

ТОМАС ЭРИКСОН

КАКОГО
цвета
УБИЙСТВО

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Э77

Bländverk
by Thomas Erikson

© Thomas Erikson 2011, by agreement with Andrew
Nurnberg
on behalf of Enberg Literary Agency AB

Эриксон, Томас.

Э77 Какого цвета убийство? / Томас Эриксон ;
[перевод с шведского Ю. В. Колесовой]. — Мо-
сква : Эксмо, 2026. — 576 с. — (Книги, о кото-
рых говорят).

ISBN 978-5-04-234103-8

Известного мультимиллионера убивают на глазах не-
скольких сотен зрителей. Его смерть кажется закономер-
ной — он успел нажить немало врагов. Если бы не одно
«но» — убитый заранее знал, что кто-то уже готовит для
него пулю. Его любезно уведомили об этом в письме.

Свидетелем преступления становится популярный коуч
и специалист по человеческому поведению Алекс Кинг. Вы-
ступая консультантом полиции, он вместе с инспектором
Ниной Мандер берется за расследование.

В основу метода Кинга лег вполне реальный подход
к цветотипированию человеческих характеров. Ему же
посвящен психологический супербестселлер автора «Кру-
гом одни идиоты», в котором объясняется, как с помощью
цветотипирования можно безошибочно считывать мысли
людей и прогнозировать их поступки. Но сработает ли этот
подход в случае расследования громкого преступления?
Удастся ли герою вычислить, «какого цвета» убийца? Тем
более что тот уже наметил новую жертву.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-234103-8

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Исследования человеческого поведения подтверждают: наиболее эффективны те люди, которые осознают, как сами они ведут себя в различных ситуациях. Они хорошо знают свои сильные и слабые стороны и потому могут разрабатывать стратегии, позволяющие соответствовать требованиям окружения и одновременно достигать собственных целей.

Система, описанная в этой книге, строится на исследованиях различных психологических типов К.Г. Юнга и У.М. Марстона. Система с красными, желтыми, зелеными и синими стилями коммуникации дает картину поведения человека: как базового, так и адаптивного, то есть поведения в определенном окружении.

Однако для понимания всей личности индивида необходимо учитывать другие аспекты, помимо поведения: движущие силы, мотивацию, личные предпочтения — и это лишь несколько примеров.

Томас Эриксон

Посвящается тебе

ГЛАВА 1

Всю свою жизнь он обманывал, предавал и унижал людей. У каждого свои способности. У него — вот такие. Он прекрасно умел манипулировать, подчинять себе и подавлять других. Не то чтобы он этим гордился — просто констатировал факт. Скольких человек ненароком довел до самоубийства, сколько семей разорил. Он даже не подсчитывал. Десятки — мало, скорее — сотни. И не страдал ни бессонницей, ни муками совести.

Все это он делал ради богатства.

Клаэс Юнггрен любил деньги. Их приятно иметь, они дают свободу. Сейчас его состояние оценивалось в миллиард крон, но до следующего уровня — долларового миллиардера — оставалось слишком далеко. В его возрасте поздновато мечтать о таком.

Впрочем, теперь с беспринципной гонкой за деньгами покончено.

Странно, что он должен был дожить до преклонных лет, чтобы понять: пора менять привычки. Нет, старый черт Юнггрен не ударился ни в маразм, ни в религию. Однако необходимость перемен дошла до него только тогда, когда к горлу приставили нож.

Он только что прочел книгу об Альфреде Нобеле, и больше всего его потрясли причины возникновения Нобелевской премии. В 1888 году, когда умер

некто Людвиг Нобель, одна газета все перепутала и опубликовала некролог об Альфреде — его брате. Прочтя его, тот задумался. Альфред изобрел динамит. В некрологе его называли «торговцем смертью», поскольку взрывчатку стали охотно использовать в военных целях. И тогда он написал завещание о создании Нобелевской премии.

Клаэс понимал, что слишком амбициозно сравнивать себя с Альфредом Нобелем. Он алчен, а не глуп. Но что он оставит после себя, кроме длинной вереницы противников? Что будет написано в его некрологе? Да и кто станет о нем писать? Его взлет в шведской коммерческой жизни был окутан дурной славой. И по пути он нажил себе немало врагов.

Электричество в настольной лампе в его кабинете мигнуло, как будто соглашаясь с мрачными мыслями. Старое кожаное кресло поскрипывало под Клаэсом, а в ногах тревожно похрустывало. Он потянулся. Спина затекла быстрее, чем обычно. Вот она, старость, уже подкрадывается. В свои пятьдесят пять он может рассчитывать еще лет на десять хорошей жизни. Если бросит курить прямо сейчас.

Встав с кресла, господин Юнггрен оглядел свою домашнюю библиотеку. Тяжелые переплеты, эксклюзивные издания, антиквариат. Ничего из этого он никогда не открывал, хоть и потратил на книги многие миллионы. И дело не в нехватке времени — ему просто не хотелось читать. Он хотел обладать.

Клаэс тяжело вздохнул. Что же он создал в жизни? Нажил богатство, это да. Он открывал новые предприятия, покупал, дробил на части, продавал. Добивался повышения курса акций, продавал, зарабатывал быстрые деньги, часто на чужой беде. Журналисты из финансовых изданий по-прежнему

звонили ему, желая знать, что он думает по поводу событий на бирже, стабильности шведской кроны и цен на сырье. Он давал комментарии, но с годами его ответы становились все более расплывчатыми. Теперь он уже не так наивен и склонен к риску, как раньше. Не столь уверен в бессмертии.

Сделав пару кругов по кабинету, Клаэс снова сел в кресло.

Неправильно. Все это время он жил неправильно. Тратил время не на тех людей. Перед его мысленным взором возник образ Линды.

Он с возмущением осознал, что какая-то часть его готова прослезиться. Нет уж... Он громко открыл ящик стола и достал распечатанный конверт с несколькими письмами внутри. С этими чертовыми письмами, будь они неладны... Перечитать? Впрочем, вряд ли там появилось что-то новое.

Прошло уже пять лет с тех пор, как его дочь Линда в порыве гнева уехала за границу — в основном для того, чтобы оказаться как можно дальше от него. Чтобы не видеть, что ее отец творит с матерью.

Клаэс помнил, как обвинял во всем жену. Это она своей жадностью и эгоистичными требованиями толкнула его в объятия других женщин. Было время, когда он верил в свои аргументы. Постоянно изменять, всегда лгать, где он был и что делал, — это оказалось так легко... Иногда он привирал даже тогда, когда в этом не было необходимости. По привычке.

Как он дошел до такой жизни?.. А впрочем, без разницы. Он сам все это допустил.

Внезапно ему пришло в голову, что он мыслит не в том направлении. Важно не то, что напишут в его некрологе, и не то, кто его будет писать. Единственное, что имеет значение, — кто его прочитает.

А ведь Линде будет наплевать. Вот где боль. Боль, о существовании которой Клаэс совсем недавно даже не догадывался.

Ему придется попытаться как-то вернуть ее доверие. Объяснить то, что он сам недавно открыл для себя. Боже мой, но ему же всего пятьдесят пять! Разве это возраст? У него в запасе масса времени, должно быть! Он непременно все ей объяснит. В ответ дочь выскажет свое мнение по поводу его богатства: ей захочется, чтобы он обратил его на что-то хорошее. Конечно, он готов пожертвовать часть на благотворительность. Да хоть четверть миллиарда, если это сделает ее счастливой!

Он знает, что делать. Надо связаться с ней и выложить все как есть. Он расскажет ей... О чем? О своем внезапном просветлении? Нет, пожалуй, заявить о таком было бы преувеличением. Но так или иначе, в конце концов он сложил в голове этот пазл.

Снова встав с кресла, Клаэс Юнггрен решительно убрал конверт в ящик письменного стола. Хватило бы времени.

ГЛАВА 2

Снайпер положил перед собой винтовку и огляделся. Ждать пришлось долго, и наконец что-то начало происходить. Место представляло собой выступ под потолком конференц-зала отеля на высоте двенадцати метров. Шириной всего сантиметров восемьдесят, без ограждения. Ничего страшного. Стрелок был невысок ростом и поместился там без проблем.

В воздухе ощущалось нетерпение. По мере того как зал заполнялся зрителями, гул голосов становился

все громче. Полный порядок — все тщательно спланировано. Покидать место действия придется быстро: когда прозвучит выстрел, зал превратится в ад.

Полицейских поблизости, скорее всего, нет. Такого рода мероприятия не требуют охраны. Наверняка возникнет паника. Мертвые тела всегда производят такой эффект. Вот тогда и появится полиция. Но будет уже поздно, дорогие блюстители порядка, слишком поздно.

Через линзу оптического прицела снайпер наблюдал за местом, где будет находиться жертва. Застрелить человека в помещении — раз плюнуть. Цель в основном неподвижна, хорошее освещение, никакого ветра, требующего корректировки.

Пожалуй, чересчур легко, даже неинтересно. Приличный гонорар за одно небольшое движение. И — домой к обеду.

В зал подтягивались все новые и новые зрители. На секунду стрелку вспомнилась афиша у входа. Любопытно было бы послушать немного. Но работа есть работа. Человеку, который будет сегодня выступать перед пятью сотнями слушателей, не суждено закончить свою лекцию.

* * *

— Чего это вы разлеглись? — с удивлением спросила администратор. Позади нее, за дверями уже собрались в нетерпеливом ожидании сотни людей.

Алекс Кинг отметил, что у нее голые ноги. Кожа на бедрах блестела в лучах света, падавших через окно в потолке. Он неуклюже поднялся с пола, отрянул брюки. Протянул руку за пиджаком, переброшенным через спинку стула, на всякий случай пощупал

карман. Запечатанное письмо из больницы на месте. Ладно, после выступления.

— Ментальная настройка, — бодро, хоть и через боль, произнес он. — Научил один старый буддист.

Алекс вымученно улыбнулся — лишь бы она ничего не заподозрила.

Администратор — он и под угрозой расстрела не смог бы вспомнить, как ее зовут, хотя общался с ней уже раз двадцать, на груди у нее был прикреплен бейджик, и она всегда здоровалась с ним за руку, произнося свое имя, — посмотрела на него. В принципе, совсем неважно, что она про него подумала.

— Дорогу найду, спасибо, — бросил он и вышел из комнаты. Пройдя несколько шагов до выхода в конференц-зал, остановился, закрыл глаза и силой воли постарался прогнать боль. Все хорошо. Все пройдет замечательно. Выступление встряхнет эту публику.

Сделав глубокий вдох, Алекс Кинг толкнул дверь и вышел на сцену.

* * *

Вот и он. Гул голосов человеческого моря в большом зале смешивался с фоновой музыкой из динамиков. Каждая мышца в теле пришла в состояние готовности.

Окуляр наведен прямо на цель. Голова мужчины в прицельной сетке казалась большой, как солнце. Темнее, конечно. По-человечески мягкой. Уязвимой.

Что плохого сделал обреченный на смерть, кого он вывел из себя, на чью любимую мозоль наступил — это снайпера совершенно не волновало. Просто работа.

Медленный, глубокий вдох, чтобы уменьшить возможную вибрацию в теле. Контроль дыхания. Скоро прозвучит выстрел — ровно между двумя ударами сердца.

* * *

Когда приглушили освещение, Алекс уже стоял на сцене.

Оглядев зал, он увидел, что на него устремлены как минимум пятьсот пар глаз. Пару секунд он смотрел в потолок, пока шум не начал стихать. Свет прожекторов сильно бил в глаза. Слушатели расположились полумесяцем, последний ряд находился гораздо выше первого.

Они смотрели на него, преисполненные ожиданий, когда Алекс поднял обе руки. Постепенно установилась тишина.

— Всем добрый день!

Всюду улыбки. Несколько ответных приветственных выкриков.

— Меня зовут Алекс Кинг, я специалист по человеческому поведению и межличностной коммуникации. Но вы это, наверное, уже знаете, раз пришли сюда. Я занимаюсь стратегиями управления и индивидуальным коучингом. И сейчас планирую украсть два часа вашей юной жизни.

Приглушенные смешки.

Алекс подождал, пока они стихнут.

— Думали ли вы о том, что некоторые из нас окружены идиотами?

Хохот.

— Я абсолютно серьезно. Одни из нас легко договариваются со всеми, с кем им приходится иметь

дело, пока другие постоянно сталкиваются с придурками. Разве не странно? — он мысленно сосчитал до трех. — *Очень* странно. Подумайте... из-за чего один с каждым может договориться, в то время как другой — только поссориться?

В воздух взмыли руки, словно он выступал на школьном уроке, хотя вопрос был явно риторический.

— Наша цель сейчас — разобраться в основных понятиях, необходимых для объяснения того, с чем это связано. Когда мы покинем этот зал... — он посмотрел на часы, — спустя час и пятьдесят четыре минуты, вы заметите, что идиотов вокруг стало меньше. А заодно я раскрашу ваше окружение в разные цвета. Вы обнаружите, что некоторые люди — красные или желтые, а другие — зеленые или синие. Поймете, почему люди такие, какие они есть, и что вы можете с этим сделать. Остальное — на ваше усмотрение.

Показывая на гигантском экране слайды презентации, Алекс стал объяснять, как человек воспринимается его окружением.

— Существует разница между поведением и личностью, — сказал он, глядя в зал, и на мгновение поднял глаза к потолку. Справа, в самом верху, что-то блеснуло. Он прищурился, но прожекторы мешали разглядеть что-либо. Наверное, показалось. — Личность скрыта от посторонних глаз. А вот поведение мы можем наблюдать.

Алекс показал слайд, изображающий сложную математическую формулу.

— Это очень важная формула, и вы должны ее записать, — произнес он с самым серьезным видом. В зале зашуршали: «Надо что-то записывать? Нас

никто не предупредил». Люди засуетились, стали искать ручки и визитки или квитанции с парковки.

Спикер развел руками.

— Да нет же, не записывайте!

Снова смех, облегчение на лицах.

Алекс продолжил говорить. В начале лекции он всегда следовал сценарию, но вскоре начинал импровизировать.

— Сегодня я выступаю для вас в качестве так называемого внешнего фактора. Уверен, не будь этой лекции, вы занялись бы другими полезными делами. Судя по вашему виду, вы прекрасные предприниматели — и в жизни, и в бизнесе.

Человеческий мозг — удивительный прибор. Немного похвалы — и он уже начинает рассылать по всему телу сигналы удовольствия. Дай людям в зале почувствовать положительную обратную связь. Вскоре по ним распространится приятное тепло, и потом все будут вспоминать лекцию как самое яркое событие недели.

— В данный момент вы приспособливаете свое поведение ко мне. Поскольку я, как внешний фактор, создаю новые условия и предпосылки, ваше поведение можно назвать адаптивным. Но изменил ли я вас как личностей? Не думаю.

* * *

Снайпер остановил взгляд на мужчине, стоящем на сцене. Тот размахивал руками, стараясь казаться убедительнее. В прицельной сетке окуляра были видны бисеринки пота у него на лбу.

Да, приятель, скоро станет совсем жарко.